

АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Юрий ЛЕВАДА

После Империи

Читатели, без сомнения, обратят внимание на одну особенность содержания этого номера "Вестника": ряд статей посвящен социологическому анализу одной темы — опыту социально-политических перемен ("оранжевой революции"), происходивших в Украине на протяжении последнего года и оказавших серьезное влияние на общественную атмосферу в России и в других странах постсоветского пространства. Публикуемые в журнале статьи и материалы киевских коллег дают представление о восприятии общественным мнением Украины различных аспектов происходящих перемен, динамике социальных ожиданий и оценок политических деятелей.

* * *

Происходящие в Украине события служат предметом пристального внимания и напряженных дискуссий среди политологов, социологов, социальных психологов, специалистов по международным отношениям. Если в конце 2004 г. в фокусе находились прежде всего электоральные ожидания, надежность результатов экзит-поллов и другие показатели текущей ситуации, то сейчас очевидно, что в обстоятельном социологическом анализе нуждаются сам социальный механизм общественно-политического поворота, его истоки и последствия.

Для России украинские события 2004–2005 гг. — как бы "зеркало", дающее общественному вниманию увеличенное отражение общих для обеих наших стран проблем и в то же время показывающее принципиальные различия в отношении к этим проблемам.

В социально-политических переменах в Украине и подобных им явлениях в разных точках "постсоветского" политического пространства — от России до Центральной Азии (Балтия не в счет) действуют аналогичные факторы истощения и разложения "первоначальных" ресурсов — тех временных институциональных и персональных вариантов организации, которые повсеместно использовались после развала совет-

ской системы. Постсоветские властные механизмы повсюду конструировались из наличного материала — фигурально выражаясь, из "гнилых досок", скрепляемых "ржавыми гвоздями", т.е. из остатков обветшавших социальных институтов, организационных и кадровых (партийно-хозяйственных, силовых и пр.) ресурсов прошлого строя. Результатом стало формирование ряда более или менее авторитарных, псевдodemократических или "полуазиатских", имитирующих исторические образцы восточных деспотий, режимов, в разной мере отмеченных чертами личной власти, сращивания политических структур с "приближенным" крупным бизнесом, региональными и родственными кланами, — при неизбежной коррумпированности всех звеньев государственного механизма. Нынешние "оранжевые" и т.п. потрясения, окружающие Россию, независимо от своих национальных форм, степени организованности, успешности и пр., подтверждают неизбежность замены всех этих "временок" социально-политическими конструкциями, ориентированными на стабильные современные образцы. С этими тенденциями связаны и требования перемен в правящих элитах.

Другая и не менее важная сторона той же проблемы выражена в исчерпании ресурсов переходной (временной, наспех сколоченной по обветшалым шаблонам) постимперской системы межгосударственных отношений как политических, так и экономических, социальных, в значительной мере и межкультурных¹. Как представляется, главным фактором разложения советской имперской конструкции была слабость ее центральных, т.е. партийно-политических, структур, их крушение сделало невозможным формирование эффективных межгосударственных образований наподобие Британского (постимперского) содружества или Европейского сообщества

¹ См. обстоятельный анализ этой проблемы в статье Д.Тренина: *Тренин Д.* Россия и конец Евразии // *Pro & Contra*. 2005. № 1 (28).

(Союза). Вряд ли могут быть удачными последние попытки в срочном порядке заменить прожарившие политические скрепы энергоресурсными ("газопроводными"), собственно говоря, попытки компенсировать утрату лидирующих позиций наделением России функцией энергосырьевого придатка бывшей имперской "периферии".

Надежды и иллюзии, связанные с украинскими и подобными им переменами последнего времени, приводят к реабилитации романтического восприятия революционных переворотов, основательно дискредитированного переосмыслением событий советского периода. Любой акт несистемного социального насилия, независимо от намерений его вдохновителей и участников, всегда и повсеместно приводил к тяжелым социальным потерям, не говоря уже о человеческих жертвах, разрушениях и пр. Один из давно известных уроков истории состоит в том, что предотвратить революционные катаклизмы со всеми их социальными издержками можно, лишь вовремя проводя назревшие изменения с помощью эффективных реформ. В принципе на перемены такого рода ориентированы современные общества и государства, в которых соперничество политических сил и представление социальных интересов различных групп происходят в легитимных рамках. Там, где этого сделать не удастся из-за отсутствия соответствующих институциональных средств, "революционные" усилия в каких-то формах могут стать неизбежными. Ни в одном из государств, действующих на развалинах советской державы, не сформированы механизмы для "плавного" (парламентского, электро-ального) выхода из постимперского тупика.

Произошедшие или назревающие на постсоветском пространстве потрясения дают пример различных вариантов организованности и идеологизированности социально-политических перемен и массового участия в них. Во всех случаях совершенные изменения легитимизированы постфактум — парламентскими узаконениями, судебными решениями, всеобщими выборами. На одном полюсе оказывается "оранжевое" движение в Украине, почти предельно цивилизованное, тщательно подготовленное, подчинявшее факторы национального самоутверждения модернизационным ориентирам; на другом — переворот в Киргизии, где смена власти сопровождалась взрывами массовых страстей, контролируемых на традиционных или групповых уровнях.

Российское политическое руководство, за последние 14 лет не сумевшее и не пытавшееся всерьез стать лидером назревших прогрессивных перемен на постсоветской территории, в послед-

нее время прилагает усилия для спасения даже наиболее одиозных и репрессивных режимов от "оранжевой" опасности. Такая позиция несомненно усиливает "антимосковские" компоненты в оппозиционных движениях. Но сегодня Россия не решается и не способна выступать в роли "жандарма" на постсоветском пространстве (каким был бывший СССР в бывшем соцлагере).

Принципиальное отличие сегодняшнего положения России, в отличие от предкризисного состояния Украины, Грузии, Киргизии и др., в отсутствии поляризации, слабости центров и авторитетов оппозиции, что делает нереальной, по крайней мере, в ближней перспективе, "протестную" национально-политическую мобилизацию общества. Пока "оранжевая" символика остается атрибутом различных протестных выступлений, особенно молодежных. Более существенный показатель влияния соседних потрясений на российскую политическую поверхность — раздражение и даже панический, отчасти искусственно нагнетаемый, страх российской политической верхушки и ее политтехнологической обслуги перед "оранжевой" опасностью. Вряд ли власти решились бы столь быстро уступить социальным протестам начала 2005 г., если бы не опасались политизации массового недовольства.

В российском общественном мнении комплексы постимперского сознания изживаются медленно. В ноябре 2005 г. (N=1600 человек) 81% опрошенных полагали, что русские, украинцы и белорусы — это "три ветви одного народа", а почти две трети (63 против 32%) не считали Украину "заграницей". Это значит, что направленная работа всей батареи главных отечественных СМИ находит довольно благодатную массовую почву. Полученные плоды, правда, не совсем соответствуют использованным семенам, так как доверие к СМИ в данном случае невысоко. То, что украинские события в российских медиа освещаются "объективно и добросовестно", полагают всего 17%, что это делается "предвзято и необъективно" — 24, "скупо и непонятно" — еще 40%. Отсюда и невнятность суждений.

События конца 2004 г. в Украине как "борьбу за власть между различными группами политиков и олигархов" оценивают более половины респондентов (54%), как "заговор, организованный политиками и спецслужбами западных стран" — 18, но как "массовое возмущение, направленное против коррумпированной власти, нечестных выборов", — еще реже (15%). Эти перемены принесли самой Украине "больше плохого" считают 55% опрошенных, а что пострадали отношения между Россией и Украи-

ной — 57%. Современные векторы украинской жизни в ноябре 2005 г. представляются так: постепенное сближение с Россией отмечают всего 10% респондентов, сближение со странами Запада — 49, нарастание "хаоса, беспорядка" — 27%.

По данным опроса, проведенного в июле 2005 г., лишь 23% респондентов полагали, что Россия должна *поддерживать демократические силы и прогрессивные перемены в странах СНГ*, но еще реже (14%) высказывалось предложение *"стремиться сохранить у власти нынешних лидеров, какими бы они ни были, если они выражают лояльность России"* (нетрудно заметить, что именно этот вариант, кстати, разделяемый преимущественно в старших возрастных группах и среди коммунистического электората, наиболее близок к официальной линии). Чаще всего (55%) упоминалась формула нынешнего изоляционизма — *"соблюдать собственные экономические и политические интересы и не вмешиваться в дела соседей"*. Еще 30% напоминали о *противодействии опасному влиянию зарубежных стран* (США, Китая, Турции и др.) на постсоветские государ-

ства. (Поскольку отвечавшие могли указать более одного варианта мнений, сумма ответов превышает 100%.)

При оценках украинских перемен в общественном мнении как в Украине, так и в России на первом плане сейчас часто оказываются слабости и неудачи движения, конфликты в верхах, массовые разочарования и иные спутники любого крутого общественного поворота, особенно заметные в его революционных вариантах, при слабости институциональных механизмов и гипертрофированной роли социально-психологических, групповых, личностных факторов. Но за "деревьями" нельзя терять из виду "лес", т.е. сам сложный процесс общественных перемен, значение которых далеко выходит за национально-государственные рамки. То, что на инертно-послушном общественном фоне, доминирующем на постимперских просторах, стала возможной массовая политическая мобилизация, способная стать фактором необратимых перемен, дает богатую пищу для изучения, а в какой-то перспективе, возможно, и поучительный пример.

НАЗОВИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ЧЕТЫРЕ-ПЯТЬ КАЧЕСТВ ИЗ ЭТОГО СПИСКА, КОТОРЫЕ БЫЛИ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, БОЛЕЕ ВСЕГО ХАРАКТЕРНЫ ДЛЯ ПРЕЖНЕЙ, СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ КОНЦА 1970-х — НАЧАЛА 1980-х ГГ./НЫНЕШНЕЙ ВЛАСТИ

Качество власти	Советская власть			Нынешняя власть		
	1998 г.	2001 г.	2005 г.	1998 г.	2001 г.	2005 г.
Законная	32	22	28	12	10	9
Честная, открытая	14	11	13	3	3	3
Криминальная, коррумпированная	13	13	12	63	50	62
Близкая народу, людям	36	30	34	2	3	5
Сильная, прочная	27	25	30	2	4	7
Эффективная, компетентная	5	10	11	3	3	6
Недальновидная	23	14	21	28	17	25
Справедливая	16	16	21	3	3	3
Слабая, беспомощная	8	6	8	31	21	20
"Своя", привычная	32	24	26	3	2	4
Непоследовательная	8	6	9	32	25	29
Келейная, закрытая	17	14	13	8	7	8
Прагматичная	2	2	5	4	5	6
Паразитическая	8	6	5	18	12	15
Ограниченная, неумная	9	7	8	12	4	8
Авторитетная, уважаемая	21	21	24	2	4	7
Компетентная	4	6	7	3	6	9
Законная	32	22	28	12	10	9
Непрофессиональная, безграмотная	6	6	8	13	7	12
Далекая от народа, чужая	8	8	10	41	34	42
Образованная, интеллигентная	8	12	13	6	12	13
Бюрократичная	30	26	30	22	24	39